

Ах, чувствую: ничто не может нас среди мирских печалей успокоить...

ЕКАТЕРИНА ДОЛГО И С ТРУДОМ ПРИХОДИЛА В СЕБЯ ПОСЛЕ ЖУТКОЙ ДАЧНОЙ КАТАСТРОФЫ

Разумеется, не только Фике переживала и осмысливала причины и последствия разрушительного дачного «землетрясения». Весь двор думал теперь о действенных профилактических мерах: в течение нескольких месяцев архитекторы и обслуживающий персонал осматривали дворцовые покои в столичных пригородах, включая Петергоф и Ораниенбаум. Рабочие без задержки наводили порядок во всех забытых и запущенных постройках.

И МНИТСЯ, СЛЫШУ ИХ ВОИНСТВЕННЫЕ КЛИКИ...

После доброго гостиницкого гостинца свита вернулась на берега Невы и пару-тройку недель отдыхала от острых ощущений в деревянном Летнем дворце, напротив Летнего сада. Примерно в это же время в Петербург пришли детальные «репóрты», то есть доклады, с полей завершавшейся общеевропейской брани — войны за Австрийское наследство. Они были обнадеживающими, но, увы, невеселыми. Да, русский экспедиционный корпус, проведя устрашающий для неприятеля рейд на Рейн, победно вернулся на зимние квартиры в Прибалтике. Его маневры убедили французов в желательности подписать мир с австрийцами и предостерегли пруссаков от очередных бросков на многострадальную кайзерин Марию Терезию. Благодаря елизаветинской демонстрации силы в западнонемецком Ахене завязались напряженные переговоры об окончательном замиреннии всех враждующих сторон.

Но на обратном пути командующего корпусом генерал-фельдцейхмейстера (сиречь — армейского обер-артиллериста) Василия Ни-

МОСКВА—MOSCOU. № 63.
Дворцовая площадь.—Place des palais.

Главный собор находится левее, на заднем плане. Впереди — изящная церковь Святой Екатерины (XIX век).

китича Репнина постиг жестокий апоплексический удар. Так именовали в ту пору инсульт, причем в случае смертельного исхода простонародье добавляло: «Хватил кондрашка». Из баварского Эбенсфельда тело полковника перевезли в Ригу, где похоронили под сводами православной Алексеевской церкви, возведенной на заре XVIII века по личному указу царя Петра. Прах бесстрашного князя упокоился рядом с могилой его отца — генерал-фельдмаршала Никиты Репнина, героя Полтавской битвы и иных битв со шведами.

К сожалению — об этом, понятно, Фике знать не могла, — судьба храма, нареченного во славу Алексия — человека Божия, оказалась нелегкой. Гораздо позднее, в постреволюционную эпоху, когда Латвия на два десятилетия, вплоть до августа 1940 года, стала суверенным государством, тамошние власти, по договоренности с Ватиканом, передали Алексеевский собор местному католическому приходу. Ценнейшее здание было перестроено и превращено в костел Марии Магдалины при женском францисканском монастыре, расположенном на территории прежней православной Свято-Алексеевской мужской обители. В ходе интерьерных «подвижек» новые хозяева демонтировали богатые полководческие надгробия. И сейчас уже нельзя точно определить, где находятся склепы с останками храбрых русских солдат — отца и сына Репниных, князя Владимира Долгорукого (рижского вице-губернатора, торжественно встречавшего в январе 1744-го санный поезд с принцессой Софией Фредерикой и ее матерью Иоганной Элизой), а также генерал-аншефа Василия Лопухина и генерал-поручика Ивана Зыбина, погибших на излете елизаветинского царствования, в разгар Семилетней войны с Фридрихом II. Но Катя и Петр Феодорович искренне (и тайком!) скорбели о ранней — в каких-то 52 года! — кончине человека, коему были обязаны столькими часами шумного и беззаботного досуга...

ПИСЕМ БЕСПОКОЙНЫХ НЕ ПИШИ...

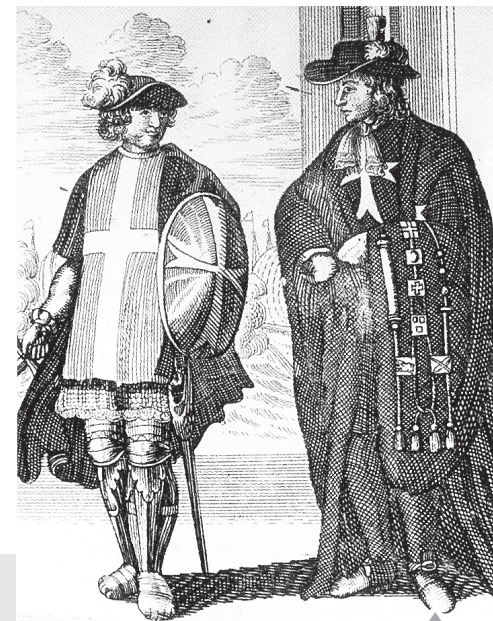
Тем же хмельным летом 1748-го в Петербург наведался видный зарубежный гость — кавалер древнего Мальтийского ордена Микель Сакромозо. Знатный и высокообразованный выходец из Вероны представлял интересы могущественной папско-католической конгрегации в Варшаве и появился под небом

Северной Пальмиры, чтобы обсудить с российским руководством некоторые проблемы религиозной жизни в польских землях. Поскольку итальянский граф носил звание бальи (кавалера Большого креста) и считался одним из вождей созданного на пику Крестовых походов Иерусалимского, Родосского и Мальтийского державного военного ордена госпитальеров Святого Иоанна, его изволила радушно и благосклонно принять Елизавета Петровна. К желанному визитеру приставили надежного опекуна — командира линейного корабля Андрея Полянского, впоследствии адмирала. Приставили ради совместного осмотра «куриозных мест» Петербурга и Кронштадта. Флотскому офицеру была вручена для этого крупная казенная наличность...

На придворном куртаге кавалера-дипломата познакомили с великокняжеской четой. И здесь произошло нечто поразительное. Целуя Екатерине ручку, месьир Сакромозо умудрился сунуть ей в ладонь крошечную («пальца в два поперек») бумажку, причем добавил заговорщицким шепотом: «Тут весточка от вашей матери». Как ни странно, никто ничего не заметил, а Катя спрятала листок в правую перчатку и прочитала его вечером у себя в будуаре. Помимо материнского письма в портативном свертке лежала «секретка» от приезжего аристократа: он советовал передать ответ через итальянского музыканта, игравшего на концертах у престолонаследника.

Ну а Иоганна Элиза эпистолярно всхлипывала, что напугана отсутствием вестей от Кати — ведь со дня их расставания в Красном Селе пролетело чуть не три года. Встревожная фрау умоляла черкнуть хотя бы несколько строк о подробностях дочернего житья-бытья в далекой России. Кроме того, она спрашивала, можно ли добиться у монархини передачи Курляндского герцогства брату Екатерины Фридриху Августу. Прочитав важную корреспонденцию, Фике задавалась нехитрым вопросом: где и как достать бумагу и простейшие канцелярские принадлежности? Все это ей категорически воспрещали держать в комнате. Но... Сперва удалось решить задачу с бумагой: княгиня вырвала из какой-то книги белую, не заполненную печатным шрифтом страницу.

Затем обрела вторую вещь: под предлогом подарков вельможам и слугам была куплена куча безделушек из благородных металлов. И на столе заблестело серебряное

«Вздыхающих рыцарей свита...». Мальтийские рыцари в боевом и праздничном одеяниях.

«Да за смиренное кладбище...». Вид Вознесенской обители в Кремле, где погребали августейших дам в допетровскую эпоху. Все это было взорвано летом 1929 года.

(«вечно») перо, к которому привинчивалась миниатюрная чернильница. Камердинер Тимофей Евреинов послушно наполнил этот сосуд необходимой темной жидкостью. В ответном послании Екатерина сообщила, что ей не положено писать никому и никуда, в том числе любезной матушке. Все депеши сочиняют в Коллегии иностранных дел, а Кате надлежит лишь «подмахивать» их своим громким именем. Отклонений не допускается: так, чиновника Адама Олсуфьева, надзирающего за этой каруселью, чуть не отставили от должности за то, что он хотел включить в письмо Иоганне какой-то пустяковый фрагмент, присланный от Фике. Что же до туманной Курляндии, то брату Фридриху она не перепадет, ибо Елизавета Петровна намерена вообще упразднить титул герцога Курляндского. Во всем прочем мутер может не волноваться: Катя пока вполне довольна и счастлива.

ГДЕ НЫНЧЕ КРЕСТ И ТЕНЬ ВЕТВЕЙ...

Засыпая, Екатерина вспомнила: у «дедушки» тоже иногда возникали нестыковки в отношениях с матерью, царицей Натальей Кирилловной. Августейшую вдову беспокоило, что ее женатый отпрыск не стремится править державой да и почти не занимается благоверной, Евдокией, и маленьким сыном Алешей, а проводит время на воде — то в Переславле, то в Архангельске. Эти отлучки расстраивали и без того хворую государыню. И в январе 1694 года, не дотянув даже до 43 лет, Наталья отошла в лучший мир. Петр тяжело переживал такую утрату и горько плакал у гроба, установленного в величественной усыпальнице голубокровных дам — Вознесенском соборе одноименного кремлевского девичьего монастыря. Те скорбные церемонии стали последними царскими похоронами в прекрасной монаршей церкви. Катя грустно вздохнула, хотя от нее было скрыто дымовой завесой истории, что через двести с лишним лет, в августе 1929-го, большевики взорвут Вознесенский и Чудов монастыри, возведя на их руинах Военную школу имени ВЦИКа. Взорвут, разрешив, правда, самоотверженным музейщикам спешно перенести белокаменные саркофаги цариц и царевен в подвальный зал соседнего Архангельского собора, где наверху спят безмятежным сном повелители-мужчины...

Яков ЕВГЛЕВСКИЙ

«Идет от сумрачной обедни...». Бывшая православная Алексеевская церковь в Риге — сейчас католический костел Марии Магдалины.